

Протокол разбора дела ПАСТАНОГОВА К.К.

на партбюро УГБ УНКВД НСО

(протокол №4) от 19 апреля 1939 года.

СЛУШАЛИ: - Разбор дела члена ВКП(б) ПАСТАНОГОВА **Константина Константиновича** (докл. Тов. ДЕЕВ)

СУТЬ ДЕЛА (материал комиссии прилагается)

ВОПРОС: — к комиссии. Что доказано материалами комиссии и что не доказано по обвинению Тов. **ПАСТАНОГОВА**?

ОТВЕТ: — Большинство членов партии свои материалы подтвердили, обвинение по Нарымскому делу с оружием полностью не доказано.

ОБЪЯСНЕНИЕ: — Тов. ПАСТАНОГОВА. По ряду фактов, предъявленных мне в обвинении, я конечно буду возражать, но я хочу сказать о другом, я хочу сказать, как я дошел до жизни такой, что я оказался пособником врагов народа, орудовавших в управлении НКВД по Новосибирской области.

Я хочу рассказать о том, что в середине 1936 года начался разгром контрреволюционных организаций, после этого все шло как будто бы правильно, и Горбач как-то заявил, что он имеет указания

присматриваться к партийным работникам, так как большинство партийных работников недавно выдвинуты на партийную работу и среди них могут оказаться враги народа. И я в то время это посчитал правильным и дал директиву такого же содержания на периферию, кроме того за подписью ДЫМНОВА и ГОРБАЧА была дана директива об арестах на местах партийных работников без санкции управления НКВД при малейших подозрениях на партийных работников, эта директива безусловно периферийными органами выполнялась. Это получилось потому что директиву дали **ГОРБАЧ** и МАЛЬЦЕВ, к примеру, можно привести факт ареста по одному только показанию работника госбанка **СОПРЫГИНА**, которого пришлось вскоре освободить. Таких фактов по городу Новосибирску было несколько десятков, и я виновен в том, что делал по сути дела вражеские дела, веря **МАЛЬЦЕВУ** на словах, не требуя документального подтверждения. Что у меня два дяди бывшие урядники я об этом никогда не скрывал, в отношении дяди, который имел в Китае чайные плантации, я совершенно не знаю, отец мой к судебной ответственности не привлекался и до 1925 года работал в потребительском обществе, и в это время я жил с отцом и конечно бы знал о привлечении его к судебной ответственности, сестра в 1933 году действительно была

осуждена к 10 годам лишения свободы за растрату денег и в 1936 году ее досрочно освободили и сейчас она работает в Красноярске.

Меня обвиняют в том, что я фабриковал дела и докладывал их трибуналу, я этого не хочу вспомнить, так как никаких дел я не фабриковал, по городу Сталинску действительно была фабрикация дел и когда мы получили этот сигнал я немедленно туда выехал, но до конца все дела не проверил и в этом считаю себя виноватым.

По Болотнинскому делу могу сказать, что **КОРПУЛЕВ** возглавил дело по Болотнинской контрреволюционной организации, им в это дело были положены копии протоколов допросов, а подлинников не оказалось.

Из Асиновского района в одно время поступило ряд агентурных сведений о том, что там организовалась контрреволюционная группа, которая готовила теракты и даже успела совершить одно убийство, поэтому туда был командирован тов. **МАЙЗУС**, которому были даны широкие полномочия.

Я полностью отрицаю факт с оружием по Нарыму, был тот факт, что по Нарыму действительно была ликвидирована к-р группа, у которой имелось оружие на случай восстания. Начальнику Каргасокского РО было дано распоряжение о оружии, которое было обнаружено и перевезено из Каргаска в Колпашево. Я категорически отрицаю, что я давал распоряжение **КИПЕРВАСУ** взять показания на секретаря Обкома ВКП(б) **ШАРАПОВА**.

В отношении дела **ГАЛДИЛИНА** могу сказать, что он был арестован особо уполномоченным и после передан 4-му отделу как крупный участник к-р организации, причем **ГАЛДИЛИНА** упорно допрашивали и к этому в то время имелись все факты, после того как **КОЖЕВНИКОВ** съездил в Нарым и выяснил ряд моментов. **ГАЛДИЛИН** написал собственноручно показание на 100 страницах, в котором он дал такие показания, которые не давали полной ясности, то **ЯСТРЕБЧИКОВ** был тоже командирован в Нарым и после этого было установлено, что **ГАЛДИЛИН** членом к-р организации не был и это обвинение с него было снято и **ГАЛДИЛИН** был привлечен за должностные преступления. Никому я из работников Анжеро-Судженского ГО арестами не угрожал, указания же по аресту ряда к-р я конечно же им давал.

Дело **СОЙФЕР** конечно получилось безобразное и в нем не могу сказать ничего в свое оправдание, так как это дело можно было гораздо раньше разрешить, после того когда **СОЙФЕР** потребовал приобщить к делу все документы, изъятые у него, при обыске эти документы были найдены, и **СОЙФЕР** был освобожден. В отношении моего разговора с Тов. **СЫЧ** полностью признаю себя виновным, так как допустил в этом

разговоре антипартийное отношение к оценке положения вещей. Здесь выяснилось, что тов. **ДЫМНОВ** знал о готовящемся теракте против тов. **МОЛОТОВА** и в этом принимает участие **ОВЧИННИКОВ** и умолчал об этом, по-моему, со стороны **ДЫМНОВА** совершенно уголовное преступление. Когда я вернулся из командировки из Томска, я написал рапорт о снятии с работы **ОВЧИННИКОВА** и передал его **МАЛЬЦЕВУ**, он этот рапорт продержал у себя очень долгое время, после этого я получил от особо уполномоченного папку с материалами на **ОВЧИННИКОВА** и сразу же доложил об этом Тов. **БАРКОВУ**. В отношении **БАТАЛИНА** могу сказать, что **МАКОВ** действительно давал показания на **БАТАЛИНА**, как на пьяницу и что об этом было известно одному японскому шпиону, факт, что **БАТАЛИН** в пьяном виде садился за руль машины, ездил и сшибал на дороге тумбы. В отношении пьянок во время пребывания в командировке в Нарыме я отрицаю за исключением одного раза выезда на катере на реку. На «ты» с **МАЛЬЦЕВЫМ** не был, признаю, что квартиру **МАЛЬЦЕВА** посещал, на охоту с ним ездил.

Я считаю, что комиссия сделала чрезвычайно суровый вывод в отношении меня, что я оторвался от партийной массы это верно и это привело меня к ряду грубейших ошибок, я прошу партбюро оставить меня в партии, так как исключение из партии для меня равносильно расстрелу.

ВОПРОС: — Как часто Вы из кабинета **ГОРБАЧА** давали периферийным органам провокационные указания об арестах партийных работников?

ОТВЕТ: — Это, видимо, идет речь о секретаре Татарского РК ВКП(б) **ДУБОВЕ**, о нем в обкоме ВКП(б) был материал о моральном разложении его и поэтому шла речь только об этом, а о его к-р деятельности никаких разговоров не было, я просил от РО НКВД справку по его компрометирующим материалам и больше ничего.

ВОПРОС: — Будучи на охоте с **КАЧИНЫМ**, Вы ему говорили, что Вы участвовали в приведении приговора в исполнение над Вашим дядей?

ОТВЕТ: — Никакого участия в приведении в исполнение приговора над моим дядей я не принимал, так как находился в это время время за 40 километров от места, где находился дядя и разговоров таких ни с кем не вел.

ВОПРОС: — Почему Вы ничего не сказали о Еврейской организации?

ОТВЕТ: — Эти евреи обвинялись в к-р деятельности.

ВОПРОС: — Скажите какие Вы давали установки в отношении малограмотных в политическом отношении коммунистов?

ОТВЕТ: — Никаких указаний по арестам честных коммунистов я не давал.

ВОПРОС: — Какие указания давались в отношении исключенных из партии?

ОТВЕТ: — Они брались на учет.

ВОПРОС: — Как получилось с **ТЕРЕЛЬ**?

ОТВЕТ: — Никаких сомнений в том, что **ТЕРЕЛЬ** был враг, в то время у нас не имелось и поэтому он был расстрелян, и после этого из Москвы было получено его дело. Протокол Тройки подписал я.

ВОПРОС: — Сколько было таких дел, которые Вы докладывали **МАЛЬЦЕВУ** один на один?

ОТВЕТ: — Такое дело было, когда я докладывал по делу попов.

ВОПРОС: — Почему на одну из групп эсеров сначала был приведен в исполнение приговор, а потом вели следствие?

ОТВЕТ: — Это получилось так, что все факты были налицо и **МАЛЬЦЕВ** торопил с этим делом.

ВОПРОС: — Когда Вы просматривали дело **СОЙФЕР**?

ОТВЕТ: — Дело **СОЙФЕР** я просматривал летом 1938 года.

ВОПРОС: — В феврале 1937 года Вы ездили с **УСПЕНСКИМ** в Бийск и зачем?

ОТВЕТ: — Да, ездил на изъятие оружия.

ВОПРОС: — Вы говорили, что **ГАЛДИЛИНА** допрашивали крепко и упорно, как это объяснить?

ОТВЕТ: — Допрашивали крепко, но не били.

ВОПРОС: — Расскажите, как **ГОРБАЧ** и **МАЛЬЦЕВ** покупали начальников отделов.

ОТВЕТ: — По — моему, начальников отделов не покупали в полном смысле этого слова, а нас покупали с другой стороны, а именно **ГОРБАЧ**, приезжая из Москвы, говорил, что докладывал наши дела **ЕЖОВУ** и он их одобрил, это подкупало и притупляло бдительность, денежные пособия я получал несколько раз к Маю и к Октябрьским торжествам.

ВОПРОС: — Что произошло во время приезда **ШКИРЯТОВА** в Новосибирск?

ОТВЕТ: — Меня **МАЛЬЦЕВ** предупредил, что мне придется вести разговор с Тов. **ШКИРЯТОВЫМ** по прокурорскому делу, других бесед со **ШКУРЯТОВЫМ** не имел.

ВОПРОС: — Вы совсем не указали о Ваших связях с **ПОПОВЫМ**.

ОТВЕТ: — У меня с **ПОПОВЫМ** были хорошие отношения по совместной охоте, я бывал у него на квартире, и он у меня, кроме того я с **ПОПОВЫМ** по работе имел и стычки.

ВОПРОС: — Вы какое-нибудь отношение имеете к письму на имя Тов. **БАРКОВА**

ОТВЕТ: — Никакого отношения не имею.

ВОПРОС: — Вы на оперативном совещании заявляли, что Вам принесли детское дело по Ленинску, и Вы его подписали, не придав ему значения?

ОТВЕТ: — Я и **МАЛЬЦЕВ** знали, что в Ленинске арестована группа детей и мне представлялось, что через детей вели к-р деятельность взрослые.

ВОПРОС: — Знали ли Вы, что в вверенном Вам отделе к отдельным арестованным применялись высидки и выстойки?

ОТВЕТ: — Да, знал.

ВОПРОС: — Вызывалась ли у Вас необходимость в получении пособий?

ОТВЕТ: — Я никогда не писал рапортов на пособие, а нач. управления сам включал в списки.

ВОПРОС: — Что Вам было известно об избиении арестованных?

ОТВЕТ: — Был один случай, когда следователь **СОРОКИН** побил арестованного, я об этом доложил **МАЛЬЦЕВУ** и он предложил мне разъяснить **СОРОКИНУ** о неправильном ведении допроса.

ВОПРОС: — Якобы имелся такой случай, когда следователь **ТРИФОНОВ** плевал в лицо арестованному?

ОТВЕТ: — Да такой случай был.

ВОПРОС: — Почему в 4-м отделе при допросах арестованные прыгали из окон?

ОТВЕТ: — Прыгали враги, которые не хотели давать показаний.

ВОПРОС: — За что была арестована жена **СОЙФЕР**?

ОТВЕТ: — По приказу МОСКВЫ.

ВОПРОС: — Почему Вы игнорировали решения парторганизации о работе с агентурой?

ОТВЕТ: — В тот период времени весь аппарат был переключен на следствие и поэтому работа с агентурой была запущена.

ВОПРОС: — Какие Вы давали сигналы о **МАЛЬЦЕВЕ**?

ОТВЕТ: — До января 1939 года я имел ряд сведений о вражеской работе **МАЛЬЦЕВА**, но до января 1939 года никуда не сообщал, в этом моя вина.

ВОПРОС: — Как Вы оцениваете свои и **МАЛЬЦЕВА** действия?

ОТВЕТ: — Как преступные.

ВОПРОС: — Вы сказали, что **БАТАЛИН** разложился, а Вы как член парткома что сделали, чтобы исправить **БАТАЛИНА**?

ОТВЕТ: — Я несколько раз ставил перед **ШАМАРИНЫМ** вопрос о **БАТАЛИНЕ**, но видимо не упорно и поэтому это дело осталось не разобранным.

ВОПРОС: — По каким причинам в Томске был освобожден **ДАВЫДОВ**?

ОТВЕТ: — **ДАВИДОВ** был освобожден, потому что на него в то время было недостаточных материалов.

ВОПРОС: — Для чего у Вас существовала черная папка с компрометирующими материалами на сотрудников?

ОТВЕТ: — В папке лежали копии показаний на сотрудников и она была черного цвета вот и все.

ВОПРОС: — **ДЫМНОВ** писал директивы об арестах исключенных из партии, эти директивы с Вами были согласованы?

ОТВЕТ: — Да, согласованы.

ВОПРОС: — Как Вы расцениваете свои действия?

ОТВЕТ: — Я находился под влиянием **МАЛЬЦЕВА**.

ВОПРОС: — Скажите, Вы говорили, что знаете только одно дело, когда **МАЛЬЦЕВ** один решал вопрос жизни и смерти многих людей, а ведь таких дел было много?

ОТВЕТ: — Да, действительно таких дел было много, когда **МАЛЬЦЕВ** один решал вопрос жизни и смерти многих людей.

ВОПРОС: — Давали ли Вы указания работникам своего отдела на получение показаний на других лиц?

ОТВЕТ: — Да, были такие случаи, когда перед арестованными ставился вопрос знают ли они такого то, и по организации.

ВОПРОС: — Когда **МАЛЬЦЕВ** уехал в Москву, как его разыскивали, и кто?

ОТВЕТ: — Когда **МАЛЬЦЕВ** уехал в Москву, **РОВИНСКИЙ** дал распоряжение звонить по всем московским гостиницам и разыскивать **МАЛЬЦЕВА**.

ТОВ. МУРИН: — Взаимоотношения **ПАСТАНОГОВА** с **МАЛЬЦЕВЫМ** были отличительно хорошие против остальных сотрудников. **МАЛЬЦЕВЫМ** мне было приказано **ПАСТАНОГОВА** пропускать к нему вне очереди. **МАЛЬЦЕВ** часто приглашал к себе на квартиру **ПАСТАНОГОВА**, **ШАМАРИНА**, и ряд других нач. отделов и работников. После отъезда **МАЛЬЦЕВА** в Москву, **РОВИНСКИЙ** приказал мне звонить в Москву и разыскивать по гостиницам **МАЛЬЦЕВА**. При отъезде **МАЛЬЦЕВА** в

Москву его провожали Я, **ПАСТАНОГОВ**, **ШАМАРИН**, **МЕЛЕХИН**, **ЗАЙЦЕВ** и **ИВАНОВ**.

Тов. ЯСТРЕБЧИКОВ: — Тов. **ПАСТАНОГОВ** не откровенно рассказал о своих связях с **ГОРБАЧОМ** и **МАЛЬЦЕВЫМ**, он имел с ними приятельские взаимоотношения и получал от них прямые указания на арест без всяких санкций прокурора и без всяких на то причин. **ДЛУЖИНСКИЙ** тоже поощрялся **МАЛЬЦЕВЫМ**, а **ПАСТАНОГОВ** и **ЛЕВ** при этом проявили, мягко выражаясь, мягкотелость.

Касаясь Детского дела по Ленинску, необходимо отметить, что трибунал неправильно вынес свое определение о выделении в специальное делопроизводство дело одного только **ШАПИРО**, так как основными виновниками этого дела были **ПАСТАНОГОВ**, **МАЛЬЦЕВ** и **ДЫМНОВ**. **ПАСТАНОГОВ** много плохих сторон перенял от **ПОПОВА** и в результате оказался на поводу у **ГОРБАЧА** и **МАЛЬЦЕВА**, оторвался от парторганизации. В разговоре с **СЫЧЕМ ПАСТАНОГОВ** признает свою вину, но искажает суть разговора, потому что **ПАСТАНОГОВ** в разговоре с **СЫЧЕМ** прямо назвал его врагом народа. И только благодаря нашего вмешательства **ПАСТАНОГОВУ** пришлось извиниться перед **СЫЧЕМ**. **ПАСТАНОГОВ** никогда не проявлял заботы о сотрудниках его отдела, а относился к ним свысока.

По делу **ГАЛДИЛИНА** необходимо сказать, что со стороны **ПАСТАНОГОВА** и **ПЛЕСЦОВА** был нажим на меня, чтобы я добился показаний от **ГАЛДИЛИНА**, что он участник к-р организации, кроме этого было создано провокационно дело на **СОПОВА**, которое **ПАСТАНОГОВЫМ** проталкивалось по всем направлениям, дело **СОЙФЕР** тоже оказалось липовым и в результате человек оказался искалеченным. В Нарыме действительно был факт, что было найдено оружие, но как оно оказалось на месте находки, мне не известно.

По 4-му отделу конечно липовые дела имелись, прямо по запискам **ГОРБАЧА** людей привлекали к ответственности, никогда не за совершенные ими к-р дела, как участников организаций. Я считаю, что **ПАСТАНОГОВ** оторвался от парторганизации, проводил вражескую работу и нужно ставить вопрос о пребывании его в партии.

Тов. ЗАГРЕБАЛОВ: — **ПАСТАНОГОВ**, как член парткома, должен был вести руководство работой общественных организаций, а он эту работу окончательно развалил. В 4-м отделе был организован кружок молодых чекистов, но он до сего времени не работает и тов. **ПАСТАНОГОВ**, как член парткома, и здесь ничего не сделал для оживления этой работы. Рев. законность в 4-м отделе постоянно грубо нарушалась, к примеру, можно привести **ТРИФОНОВА**, который при допросе арестованного плевал ему в

лицо, бил по щекам, и когда я выступил с критикой по этому вопросу на опер. совещании, мне после этого снизили зарплату и понизили в должности. Это говорит о том, что **ПАСТАНОГОВ** не любит критики. Я присоединяюсь к мнению тов. **ЯСТРЕБЧИКОВА** о пребывании в партии **ПАСТАНОГОВА**.

Тов. БОЛЬШАКОВ: — По имеющейся в 4-м отделе справке написано, что **ТЕРЕЛЬ** проходит как участник Латышской Латгальской организации, тогда как на самом деле **ТЕРЕЛЬ** проходит как участник к-р организации. Коммунист инженер **ТЕРЕЩЕНКО** по одной лишь справке был арестован и через две недели освобожден. По одной только справке прямо с бюро обкома ВКП(б) был арестован некто **ХОХЛОВ** за то, что он якобы в 1919 году ограбил церковь, был осужден. После его освободили и судимость сняли. Были факты избиения арестованных, и когда тов. **ЗАГРЕБАЛОВ** выступил на опер. совещании с критикой по этому вопросу, то **ПАСТАНОГОВ** незамедлительно понизил **ЗАГРЕБАЛОВА** в должности. Были факты надирания показаний на сотрудников для того, чтобы честных коммунистов-чекистов перебить. Как только **ПАСТАНОГОВ** был назначен нач. отдела, он сразу же оторвался от партийной организации, забросил всю партийную работу и встал на путь пособничества врагам народа — **ГОРБАЧУ** и **МАЛЬЦЕВУ**. Я присоединяюсь к мнению т. **ЯСТРЕБЧИКОВА** и **ЗАГРЕБАЛОВА** об исключении **ПАСТАНОГОВА** из партии.

Тов. КОВАЛЕВ: — Наша партгруппа часто поднимала вопрос о развороте агентурной работы, особо настойчиво стали говорить в конце 1938 года. **ПАСТАНОГОВУ** было предложено определенное количество опер. состава на агентурную работу, но **ПАСТАНОГОВ** этого не сделал. Отсутствие агентурной работы имело свои отрицательные стороны во всей работе отдела. Такое положение ясно говорит, что **ПАСТАНОГОВ** игнорировал решения нашей партии по развертыванию агентурной работы.

Часты были случаи арестов совершенно необоснованные, по одному только указанию **МАЛЬЦЕВА**. Обстановка работы в нашем отделе была создана такая, что все указания исходили только от **ПАСТАНОГОВА**, а начальники отделений и их роль были сведены к нулю. Здесь говорят, что в Нарыме «РОВС» был липа, это неверно, так как разработка давала полные исчерпывающие данные о существовании организации. Что касается оружия, то я ничего не знаю. **ПАСТАНОГОВ** до сего времени не откровенен о разговоре с **СЫЧЕМ**. Когда он имел разговор с **СЫЧЕМ**, он просто пытался оборвать разговор о **МАЛЬЦЕВЕ**. Я присоединяюсь к мнению выступивших товарищей о исключении **ПАСТАНОГОВА** из партии.

Тов. ТРИФОНОВ: — В одно время было арестовано 31 человек эсеров. Наш отдел следствия – **КАРПУЛЕВ** доложил о ведении следствия и их без допроса расстреляли. На наши заявления по этому делу **ПАСТАНОГОВ** ответил, что вы не умеете вести следствие. **КАРПУЛЕВА** обвинили в связях с женой **СОЙФЕР** и самим **СОЙФЕР** и этим создавали на него дело, тогда как **СОЙФЕР** и его жена были арестованы по слипованному делу. По одной группе меньшевиков мы с **КАРПУЛЕВЫМ** вели следствие, как-то **ПАСТАНОГОВ** обратился к этому делу и заявил, что здесь что-то не так. Дела, не доследованные, отправил в трибунал, а **КАРПУЛЕВА** арестовали.

Тов. ПЕТРОВ: — В Нарыме была разработана РОВССовская организация. Я ждал, что **ПАСТАНОГОВ** вскрыет отдельные моменты вражеской работы, но этого не произошло. Когда я работал в Анжерке и случалось **ПАСТАНОГОВУ** приезжать туда, то обязательно из Новосибирска сообщали, что к вам едет **ПАСТАНОГОВ** и его необходимо встретить, что всегда и делалось. Все имеющиеся материалы в комиссии по делу **ПАСТАНОГОВА**, за маленьким исключением, вполне правильны, и решение комиссии о дальнейшем пребывании **ПАСТАНОГОВА** в партии.

Тов. ДЫМНОВ: — Я **ПАСТАНОГОВА** знаю давно, и он многого не досказывает. Его неоткровенность заключается в том, что у него такой же стиль работы, то есть такой, какой был у **ПОПОВА**. А стиль работы **ПОПОВА** был самый гнилой, **ПАСТАНОГОВ** должен был работать гораздо лучше, а у него работа шла очень плохо. Кто мог ходить в любое время дня и ночи к **МАЛЬЦЕВУ**? **ПАСТАНОГОВ** и **ИВАНОВ**. **ПАСТАНОГОВ** ярко выраженный тип подхалима и это сблизило его с **МАЛЬЦЕВЫМ**. По детскому делу в Ленинске я настаивал, что надо привлекать к ответственности **КИРЕЕВА** и **ПАСТАНОГОВА**, но **МАЛЬЦЕВ** это дело СМАЗАЛ.

В конце 1937 года у меня с **ПАСТАГОНОВЫМ** был разговор, в котором **ПАСТАНОГОВ** заявил, что у нас внутри УГБ есть к-р организация и нужно принимать решительные меры к разоблачению отдельных работников УГБ.

Дело ОВЧИННИКОВА – это старое дело. Было хорошо известно, что **ОВЧИННИКОВ** липач, что он политически неблагонадежен и т.д., но ни **ПАСТАНОГОВ**, ни **МАЛЬЦЕВ**, знавшие об этом, никаких мер не принимали. Я присоединяюсь к мнению товарищей о исключении **ПАСТАНОГОВА** из партии.

Тов. ПОПОВ: — **ПАСТАНОГОВ** здесь на партбюро кривит душой и не хочет ни в чем признаваться. Я помню один случай, когда привлекали к уголовной ответственности 17-летних детей. Были факты, когда

арестованные не давали нужных следователю показаний, то их ставили на ноги, а протокол допроса писали без арестованного и таким образом липовали дела. **ПЛЕСЦОВ**, работая в 4-м отделе, вместо помощи рядовым работникам, обзывал их старыми калошами. Были такие случаи, например, **НОСОВ** принес мне 12 дел и велел составить на них постановления, и ясно, что при такой системе работы вместо правильного подхода к каждому в отдельности арестованному, лепили всех по одной мерке.

Тов. ПАСТАНОГОВ: — **ДЫМНОВ** пришел в отдел пакостить и напакостил, так как ряд провокационных директив были подписаны **ДЫМНОВЫМ**, и в частности директива по Детскому делу в Ленинск-Кузнецке. А также им было подписано ряд директив по аресту исключенных из партии —

РЕПЛИКА, ДЫМНОВА. Что такая директива была получена из ЦК ВКП(б) по –моему является клеветой на ЦК ВКП(б), так как никогда ЦК ВКП(б) такой директивы не давал. Я хочу сказать, что ни один из выступающих не указал на большую работу, проведенную нашим управлением по разгрому врагов народа, а в этой работе я тоже не оставался барином и работал наравне со всеми сотрудниками. Я громил осиные гнезда, но сама обстановка работы была настолько ненормальна, что не исключена возможность, что я допустил ряд грубейших ошибок. Я прошу оставить меня в партии, так как исключение из партии для меня будет моральным расстрелом.

ПОСТАНОВИЛИ: ПАСТАНОГОВ К.К., будучи в близких отношениях с бывшим руководством УНКВД, ныне разоблаченными врагами народа: **ГОРБАЧ, ПОПОВЫМ и МАЛЬЦЕВЫМ**, и имея с ними бытовую связь, участвовал в пьянках на квартире **МАЛЬЦЕВА и ПОПОВА**, а также на даче и на охоте. Являясь членом парткома и нач. опер. отдела УГБ УНКВД, **ПАСТАНОГОВ** на практике проводил вражескую работу, выразившуюся в создании ряда провокационных дел (дело **ГАЛДИЛИНА**, **ЛЕНИНСКОЕ**- детское дело и др.), ориентирование и дача установок подчиненному аппарату и периферийным органам на необоснованные аресты всех ранее исключенных из ВКП(б) и привлечение их к ответственности, как участников к-р правотроцкистской организации (Нарым, Анжеро-Судженск, Сталинск, Асино). **ПАСТАНОГОВ**, используя свое служебное положение, как начальник отдела, зажимал критику, а в отношении лиц, отказывавшихся выполнять его провокационные указания, в части необоснованных арестов, угрожал применением к ним репрессий (Анжеро-Судженское ГО НКВД). Вышеуказанная деятельность **ПАСТАНОГОВА**, как члена ВКП(б), члена парткома и руководителя опер. Отдела УГБ УНКВД, была направлена на отрыв от партии, органов НКВД и противопоставление партийной организации органам НКВД.

Партбюро считает, что **ПАСТАНОГОВ**, как член ВКП(б), не искренен, не желает по большевистски признать свои преступления перед партией и все приведенные выше факты его преступных действий пытается отрицать.

Кроме того, зная о фактах вражеской деятельности врага народа **МАЛЬЦЕВА, ПАСТАНОГОВ** и после его ареста не только не помогал парторганизации вскрывать эти факты и ликвидировать последствия вредительства в органах НКВД, но и продолжает до сих пор скрывать это от партии.

ПАСТАНОГОВ, работая нач. опер. отдела, развалил следственно-агентурную работу в отделе. Будучи членом парткома, развалил и партийную работу, в результате чего в парторганизации УГБ была зажата критика и самокритика, процветало подхалимство перед разоблаченными врагами народа **МАЛЬЦЕВЫМ, ГОРБАЧЕМ**, грубо нарушалась революционная законность в ведении следствия и совершались самим **ПАСТАНОГОВЫМ** должностные преступления по делам, проходящим через возглавляемый им отдел.

ПАСТАНОГОВА К.К., как подхалима перед врагами народа **ГОРБАЧЕМ** и **МАЛЬЦЕВЫМ**, и как карьериста, проводившего на практике вражеские дела в следственной работе, создававшего провокационные дела, зажимавшего критику, направленную на вскрытие вражеской работы и не желающего искренне по большевистски признать перед партией свои преступления, партбюро УГБ УНКВД,

постановляет:

ПАСТАНОГОВА К.К. из рядов ВКП (б) ИСКЛЮЧИТЬ и поставить перед командованием вопрос о привлечении **ПАСТАНОГОВА** к уголовной ответственности.

ГАНО П-460 Оп.1 д.9. л. 67-75.

Ниже приводится фото оригинала.